

An illustration of a young man with blonde hair, wearing a dark sailor's cap and a light-colored, long-sleeved uniform. He is standing on the deck of a ship at night, looking out over the water. He holds a glowing lantern in his right hand. The background shows the ship's rigging, a crescent moon, and a distant building with lit windows. The overall mood is contemplative and atmospheric.

Джозеф Конрад

перевод Александры Кривцовой

ЛОРД ДЖИМ

КЛАССИКА

МИО

Джозеф Конрад

ЛОРД ДЖИМ

Перевод с английского
Александры Кривцовой

Москва
МИФ
2026

УДК 821.111-311.1
ББК 84(4Вел)5-443
К65

Original title:
LORD JIM
Joseph Conrad

Конрад, Джозеф
К65 Лорд Джим / Джозеф Конрад ; пер. с англ. А. Кривцовой. —
Москва : МИФ, 2026. — 384 с. — (Вечные истории. Young
Adult).

ISBN 978-5-00250-277-6

Роман, признанный одной из лучших англоязычных книг XX века, вдохновлен, как считается, реальным случаем с британским паролем, брошенным экипажем в шторм, но позже благополучно спасенным. Блистательный писатель-маринист Джозеф Конрад использует эту историю, чтобы поднять извечную проблему преступления и искупления вины.

Молодого моряка Джима не отпускает прошлое, и он жаждет спасти свою честь, перечеркнув позорное бегство с тонущего корабля героическим поступком. И судьба дает ему шанс: его отправляют в далекую страну Патюзан, где разгорается мятеж... Но не совершит ли там Джим еще более страшную ошибку?

УДК 821.111-311.1
ББК 84(4Вел)5-443

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Да, моя уверенность укрепляется с того момента, когда другая душа ее разделит.

Новалис

Когда этот роман впервые вышел отдельной книгой, стали поговаривать о том, что я переступил границу мною задуманного. Некоторые критики утверждали, будто произведение, начатое как новелла, ускользнуло из-под контроля автора. Один или двое считали это очевидным и как будто этим забавлялись. Они заявляли: повествовательная форма имеет свои законы. Они утверждали, что ни один человек не может говорить так долго, а остальные не могут так долго слушать. Это, говорили они, маловероятно.

Поразмыслив в течение приблизительно шестнадцати лет, я не так уже в этом уверен. Известно, что люди — как под тропиками, так и в умеренном климате — просиживали полночи, «рассказывая друг другу сказки». Здесь мы имеем лишь одну сказку, но рассказчик говорил с перерывами, дававшими некоторое облегчение; что же касается выносливости слушателей, то следует принять постулат: история была интересна. Это необходимая предпосылка. Если бы я не верил в то, что она интересна, — я бы никогда не начал ее писать. Что же касается физической выносливости, все мы знаем — иные речи в парламенте произносились в течение шести, а не трех часов, тогда как ту часть книги, в которой дан рассказ

Марлоу, можно прочесть вслух меньше чем за три часа. Кроме того, — хотя я выключил все незначительные детали, — мы можем предположить, что в тот вечер подавались прохладительные напитки — стакан минеральной воды или что-нибудь в этом роде, — помогавшие рассказчику продолжать повествование.

Сознаюсь, я задумал написать рассказ, посвященный эпизоду с паломническим судном, — и только. Такова была концепция. Написав несколько страниц, я остался чем-то недоволен и отложил на время исписанные листы. Я не вынимал их из ящика до тех пор, пока покойный мистер Уильям Блеквуд не намекнул, что я должен снова что-нибудь дать в его журнал.

Тогда только я понял, что, отталкиваясь от эпизода с паломническим судном, можно развернуть широкую повесть. Понял я также, что этот эпизод может придать «чувству бытия» колорит простой и яркий. Но все эти настроения и побуждения были в то время довольно туманны и не кажутся мне яснее теперь, по истечении стольких лет.

Те немногие страницы, какие я отложил в сторону, до известной степени повлияли на выбор темы. Но весь эпизод я умышленно переделал заново. Принимаясь за работу, я знал — книга выйдет длинная, хотя и не предвидел, что она растянется на тринадцать номеров журнала.

Иногда мне задавали вопрос, не люблю ли я эту книгу больше всех остальных, мной написанных. Я — великий враг фаворитизма и в общественной жизни, и в частной, и даже в тех случаях, когда речь заходит об отношении автора к своим произведениям. Принципиально я не хочу иметь фаворитов; однако не буду утверждать, будто чувствую неудовольствие и досаду, зная, что иные оказывают предпочтение моему Лорду Джиму. Не буду даже говорить, что «я отказываюсь понять»... Нет! Но однажды случилось так, что я был удивлен и сбит с толку.

Один из моих друзей вернулся из Италии, где беседовал с дамой, которой эта книга не нравилась. Об этом я пожалел,

конечно, но удивило меня основание такой неприязни. «Вы знаете, — сказала она, — все это так болезненно».

Приговор заставил меня провести час в тревожных размышлениях. Наконец я пришел к тому заключению, что эта дама ни в коем случае не была итальянкой, хотя я допускаю, что тема до известной степени чужда нормально восприимчивым женщинам. Я сомневаюсь даже в том, была ли она жительницей континента. Во всяком случае, ни один человек, в чьих жилах течет романская кровь, не усмотрел бы ничего болезненного в той остроте, с какой человек реагирует на потерю чести. Подобная реакция либо ошибочна, либо правильна; быть может, ее осудят как искусственную, — и, возможно, мой Джим — тип, встречающийся нечасто. Но я могу заверить своих читателей, что он не является плодом холодного извращенного мышления. И он — не дитя Северных Туманов. Солнечным утром, в повседневной обстановке одного из рейдов на Восток видел я, как он прошел мимо — умоляющий, выразительный, в тени облака, безмолвный. Таким он и должен быть. И мне подошло со всем сочувствием, на какое я был способен, найти нужные слова, чтобы о нем рассказать. Он был *одним из нас*.

Джозеф Конрад

Июнь. 1917